

связи с правами политическими, базового мирного сосуществования и единства индивидуальных и коллективных прав, международно-правовых и цивилизационных ценностей¹.

7. Метаправовой категорией (в условиях «войны» ценностей и идентичностей) может быть исключительно право на жизнь человека и цивилизационных пространств. Во всех остальных отношениях метаправовые дискурсы противоречат интернациональной сущности международной жизни, понимание которой должно базироваться на интерконцептуальных и межцивилизационных основаниях.

8. Западно-центричным концепциям прав человека (крайний индивидуализм и политизация прав и свобод) и международной жизни (цивилизаторство и неокOLONиализм) должны быть противопоставлены доктрины интернационального и межцивилизационного Мирозентризма.

9. В условиях усложнения МС, связанного с фрагментацией МП, внешнеполитическим ориентиром Российской Федерации должна быть стратегия, направленная на формирование соответствующего федеральным интересам «Евразийского», и (или) «Российского союза наций».

10. Новации в науке обеспечиваются, прежде всего, со стороны субъекта, оказывающего весомое и действительно творческое влияние на миропорядок.

11. Понимание процесса, обобщенного понятием «персонализация Мира», в фиктивном или институционно-правовом измерении (принципы *erga omnes*, концепции «гуманитарное вмешательство», «ответственность по защите») должно быть сбалансировано доктриной «персонализации человечности», философская сущность и теоретико-правовая фиктивность которой ассоциируется с идеей гуманизации «больших», региональных пространств на основе примата витальных прав человека и «больших групп людей», государств и цивилизаций. Россия должна предложить миру новый образ «всемирности и всечеловечности»², «самостояния» человека как «залога величия его» (А. С. Пушкин), что относимо и к пониманию фактора цивилизаций в многополярном мире.

12. Идеям линейного прогресса, развития от «центра» к «периферии» должны быть противопоставлены концепты поступательного³ (всестороннего) развития на основе антропологического видения МП. Полицентричный мир может быть сформирован и стабилизирован на основе соответствующей универсальной системы и региональных принципов коллективной безопасности.

Систематика вышеобозначенных тезисов рассматривается концептуальной основой для общих и специальных исследований и дисциплин в рамках «международноведения» и правоведения в целом гуманитарного образования, а также для формирования соответствующей идеологии, которая в условиях запрета может быть квалифицирована исключительно в качестве конституционной в широком и специальном смысле, коль скоро речь идет о фундаментальных принципах и ценностях внешнего и внутреннего публичного порядка (другой стороной международной жизни оказывается борьба за характер и идентичность внутреннего публичного порядка). Иными словами, конституционный запрет на государственную идеологию в принципе не означает отрицания идеологии конституционной, несвободной от необходимости совершенствования. Именно конституционно оформленный субъект международной жизни легитимен в отношении влияния на все обозначенные конститутивные процессы (будь то в форме реальной конституции политического тела или в сугубо правовой форме текста конституции).

Князькин Сергей Игоревич,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского
и административного судопроизводства
Российского государственного университета
правосудия

Проблемы повышения роли юридической науки в современном российском обществе

Наука в целом и юридическая наука в частности всегда играла стратегическую роль в развитии общества и государства. В условиях глобальной трансформации международной архитектуры

¹ См.: Каракуляна Э. А. Доктрина витальных прав человека, наций и народов в контексте философии международного права // Вестник Национально-исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского. № 2. 2022. С. 43–52.

² См.: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Ленинград: Наука, 1984. Т. 26. 512 с.

³ Определение, заимствованное из области физики: «движение, при котором все точки тела движутся одинаково».

ее роль только усиливается. Политические, экономические социальные группы заняты поиском новых смыслов общественных отношений. Успех подобных поисков обусловлен степенью активности использования результатов исследований общественных наук, к которым относится юридическая наука.

Ее важность обусловлена тем, что она всегда выступала в качестве индикатора общественных отношений, на основе которого предлагала способы их совершенствования. Для того, чтобы юридическая наука смогла стать инструментом эффективных преобразований нашего общества, требуется разрешение ее проблем, которые накопились в разные исторические периоды времени. В самом общем виде в качестве проблем современной юридической науки следует выделить методологическую, идеологическую и социальную проблемы.

Методологический аспект проблематики заключается в недооценке или, наоборот, переоценке значения используемых методов юридических исследований. Особенно актуальна подобная переоценка в отношении историко-правового и сравнительно-правового методов.

Историко-правовой метод исследований традиционно используется в начале любой значимой работы, когда анализируется становление того или иного правового явления. Исторические этапы его возникновения и развития, как правило, рассматриваются изолированно от современности, что приводит к временному разрыву. Его негативное влияние на результаты исследований заключается в отсутствии связи истории с современностью через закономерности эволюции исследуемого объекта или явления. При таком подходе экскурс в историю становится лишенным той жизни, которая нужна для приращения научного знания.

Иными словами, историко-правовой метод исследований обретает свою результативность при приоритете анализа исторических фактов над их описанием. Ценность исторического анализа правовых явлений состоит не столько в отдании дани уважения прошлому и его современникам, сколько в аналитическом восприятии минувших событий сообразно условиям их происхождения и их сопоставления с современностью.

Такое использование историко-правового метода позволяет сформулировать значимые выводы даже из самых отдаленных периодов человеческого бытия. Наглядным примером этому служит эпоха Древнего Рима, ставшего прародителем многочисленных институтов государства и права, особенно гражданского права и судопроизводства. Уроки, которые извлекает мировая и отечественная юридическая доктрина из древнеримского права, не только не утрачивают свою актуальность, но и позволяют находить научную новизну в преломлении к современным условиям.

Проблема использования сравнительно-правового метода исследований состоит в его идеализации без учета условий его результативности. Рост популярности этого метода три с лишним десятилетия назад был обусловлен открытием нашего общества и активной интеграцией государства в систему глобальных отношений. Этот процесс, в свою очередь, определил переход к активному восприятию отечественной наукой, включая юридическую, зарубежного опыта.

Однако переход общества из советского в постсоветский период не стал первым опытом бурного использования сравнительно-правового анализа отечественных и иностранных правовых явлений. Активное применение сравнительно-правового метода было известно отечественной правовой науке в период Российской Империи.

Изучая труды классиков того времени, мы всегда обращаем внимание на использование ими немецкого, французского, английского опыта. Они пытались адаптировать зарубежный терминологический аппарат к российским особенностям, формируя тем самым новые правовые понятия. Но успешные результаты использования сравнительно-правового метода исследований предвещало соблюдение ряда важных условий.

Одним из них является целесообразность не ограничиваться анализом только нормативного материала. В противном случае результат будет эклектичен и формален. Предполагается необходимым исследование эмпирического материала и не столько сухой практики, сколько причин и условий ее формирования. Для этого требуется погружение исследователя в соответствующую социальную среду.

Название мотивационно-просветительского форума, связанного с докладом А. В. Малько, посвященным научному туризму, акцентирует внимание на проблеме универсальности и верифицируемости научного знания, полученного в результате сопоставления иностранной среды с нашей.

Погружение в иную общественную жизнь, опыт правового регулирования которой предполагается к восприятию в российских условиях, должно быть длительным и глубоким. Похожий

опыт получали дореволюционные представители доктрины, например, известные процессуалисты Е. В. Васильковский, Т. М. Яблочков, которые в течение нескольких лет проходили стажировку во Франции, Германии, Швейцарии.

Дистанционное восприятие зарубежной действительности, даже с использованием оригинальных литературных источников в электронном виде на иностранном языке, не может компенсировать активную вовлеченность самого представителя доктрины в общественные отношения, которые являются предметом его исследования.

Житейский опыт, связанный с пониманием менталитета нации, ее привычек, образа жизни, приобретает годами, а то и десятилетиями. О научном опыте, который опирается на общесоциальный опыт, и говорить не приходится.

Достоверность научного знания может быть обеспечена при условии непрерывного исследования правового явления в одном или нескольких государствах. Эффективность подобных изысканий повышается, если работает не исследователь-одиночка, а их группа, которая координирует свою деятельность на основе заранее сформированных критериев, целей и задач исследования. В противном случае полученные сведения будут фрагментарными, в силу чего их сложно положить в основу выводов значимого исследования.

Речь не идет о том, чтобы полностью отказаться от сравнительно-правового метода исследований. Имеется в виду создание необходимых организационных условий для его использования, в том числе, с привлечением государства.

Еще одна проблема юридической науки, производная от методологического ее уровня, заключается в ее развитии по межотраслевому пути. Речь идет о взаимодействии и взаимной имплементации результатов исследований не только отраслей юридического знания, но и иных общественных, а также технических наук. Отрицательным проявлением отсутствия подобного взаимодействия является ситуация, при которой понятия, используемые в одной отрасли юридической науки, не известны представителям другой отрасли или они известны, но различен подход к их содержанию. Связь с естественнонаучными направлениями еще более слаба. Чего стоит только диаметрально противоположное понимание закона в физике и правоведении.

Идеологический компонент проблематики юридической науки состоит в длительном приоритете правовой идеологии юридического позитивизма как в доктрине, так и в правоприменительной практике.

Негатив от экстремального юридического позитивизма проявляется в методологическом плане, а именно в том, что объектом исследования выступают нормы права, регулирующие общественные отношения. Большая часть исследований содержит анализ писаных регуляторов общественных отношений, в то время как требуется анализ природы самих отношений, их целей, а также их сопоставление с законами и иными нормативными правовыми актами.

В идеологическом плане юридическая наука должна быть не столько наукой о позитивном праве, сколько научным знанием о правах человека и способах их реализации и защиты. Именно в этом и состоит ее высшая социальная ценность. И именно отступление от этого правила влечет давнюю критику о том, что юридическая наука погрязла в формализме и схоластике.

Природа текущего положения вещей известна и берет свое начало в Средневековье, когда по мере укрупнения государств, усиления централизованной власти в совокупности с рецепцией римского права стали формироваться пласты нормативных правовых актов, за развитие которых стала отвечать новая когорта в лице юристов. Они всегда были заинтересованы в том, чтобы права и свободы реализовывались опосредованно: только через нормативный массив, который во все времена изобилует противоречиями. Именно на этой почве был основан финансовый успех юристов.

Если помнить о значении юридической науки как одном из измерителей текущего состояния общества и источнике научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию его развития, то ограничение сферы исследования только нормами права существенно обедняет научное знание.

Научная деятельность не может сводиться к выработке рекомендаций по внесению изменений в нормативные правовые акты, что очень часто наблюдается в диссертациях по всем отраслям юридической науки. Известна аксиома о том, что развитие реальных общественных отношений происходит гораздо быстрее изменения нормативного материала, в который заложен «снимок» таких отношений, сделанный в определенное время.

С другой стороны, результаты исследования, претендующие на универсальность, не должны быть привязаны к ситуативному состоянию позитивных регуляторов общественных отношений, с изменением которых утратит значение и сама работа.

Поэтому нормативный уровень является одним из таковых, наряду с реальным (практическим) и доктринальным (теоретическим). Именно за счет последнего полученные знания обретают межотраслевой и универсальный характер.

Нормативный правовой акт требуется рассматривать не в качестве конечной цели развития общественных отношений, а в качестве одного из инструментов их регулирования. Такой подход применим как ко всей юридической науке, так и к ее отраслям.

Востребован подлинный учет достоинств основных школ правопонимания, к числу которых относится не только позитивистская, но и историческая, социологическая, естественно-правовая. Причем последняя, в силу своего здравого подхода к реальному общественным отношениям, призвана обладать приоритетом перед остальными.

Преимуществом исторической школы права является анализ условий, исторического контекста возникновения и изменения того или иного правового явления¹. Социологическая школа понимания позитивного права обращает внимание на первичный учет реальных общественных отношений, их природы, только после анализа которых можно приступать к формированию их нормативных регуляторов, постоянно их отслеживая на предмет своей актуальности. Общественные отношения первичны потому, что ими обусловлено позитивное право². Императивно-атрибутивные переживания как элемент писаного права исследуют представители психологической концепции права³.

В естественный подход к правам человека⁴, который положен в основу отечественной Конституции, заложен здравый смысл. Он заключается в предоставлении им государственной защиты независимо от степени активности законодателя как по поводу них самих, так и по поводу мер, которые закреплены в позитивных регуляторах. При таком понимании юридическая наука рассматривается не с точки зрения законоведения как ведения юристом нормативным массивом, а с позиции правоведения.

Переход к правовой идеологии, учитывающей преимущества не одного, а всех основных типов правопонимания с приоритетом естественно-правового, следует производить именно по линии доктринального знания, формализуя результаты исследований на нормативном уровне и имплементируя их в социальную практику.

Социальный аспект проблематики российской юридической науки воплощается в привычках межличностных отношений, некоторые из которых сформировали устойчивые традиции. Эти традиции самым непосредственным образом влияют на результативность исследований и их достоверность.

Одна из положительных традиций представляет собой преемственность доктринального знания. Преемственность призвана обеспечивать непрерывное существование определенного направления науки с целью дальнейшего развития, поэтому требует особого подхода.

Осознанность, осмысленность научных идей и добровольное присоединение к ним в силу понимания их состоятельности и эффективности является рецептом процветания любой научной школы. В этом и состоит источник преемственности научного знания. Обратный подход существенно тормозит не только развитие научных школ, идей, но и воспроизводство научных кадров, о дефиците которых заявлено официальными источниками⁵.

Вполне вероятно, что эта проблема юридической науки является одной из причин небезосновательного сетования на падение глубины исследований, которое является следствием обхода подлинно дискуссионных, живых проблем и сведения фундаментальных работ преимущественно к эвристическо-описательному способу изложения.

Вторая традиция состоит в установлении тесной связи между научными достижениями и административными полномочиями. Речь идет о подведении солидных результатов исследований, формализованных в ученой степени, под назначение на ту или иную административную должность, в том числе в научно-образовательной среде.

¹ Пухта Г. Ф. Энциклопедия права. Ярославль, 1872.

² Эрлих О. Основоположение социологии права / пер. с нем. М. В. Антонова; под ред. В. Г. Графского, Ю. И. Гревцова. Санкт-Петербург, 2011.

³ Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности: в 2 ч. Ч. 1. Москва, 2018.

⁴ Нерсесянц В. С. Философия права. Москва, 1998. Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.05.2024).

⁵ URL: <https://salt.news/nauka/v-rf-sokrashhaetsya-kolichestvo-kandidatov-i-doktorov-nauk/> (дата обращения: 05.06.2024).

В отличие от государственной службы, например военной, где присвоению воинского звания предшествует назначение лица на равную этому званию должность, научная деятельность по своей природе является свободной и не связанной какими-либо формальными рамками как условиями проведения исследований и оформления их результатов.

Далеко не всегда научная школа или коллектив получают свое структурирование в виде создания в научном или образовательном учреждении специального подразделения с выделением штатной должности его руководителя. И этот факт никак не влияет на исследовательскую результативность коллектива, поэтому для успешной деятельности достаточно традиционного распределения научно-педагогических кадров, которое имеется в системе высшего образования и науки.

Кузьмин Игорь Александрович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории
государства и права
Иркутского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации

Внутренние и внешние функции юридической науки (на примере частной теории юридической ответственности)

В государственно-организованном обществе, которое декларативно стремится к достижению глобального правопорядка и обеспечению законности во внутринациональном правовом поле, значение юридической науки сложно переоценить. Процессы государственного строительства и конструирования правовой системы во многом качественно зависят от уровня научных достижений, благодаря которым закономерности и перспективы развития соответствующих государственно-правовых систем формулируются и концептуально интерпретируются, актуализируются с учетом современных потребностей общества, государства и личности.

Юридическая наука посредством применения общей, специальной и частной методологии и целого комплекса средств познания, с одной стороны, позволяет проникнуть в сущностные аспекты изучаемых явлений, а с другой — порождает новые идеи и модели государственно-правового устройства, которые могут оказаться полезными как на дальнюю, так и на ближнюю перспективу. Так, К. Л. Бартельс обоснованно заявляет, что любая функция науки является проявлением существенных ее свойств. Реализуя собственные функции, любая наука открывает возможности и способности участвовать в решении важнейших проблем жизнедеятельности общества для выработки более благоприятных условий жизни людей. При этом функции науки исторически изменчивы и коррелируются с развитием социальных функций¹.

С учетом направленности воздействия мы предлагаем разграничивать внутренние и внешние функции науки². Под внутренними функциями юридической науки мы понимаем ее ориентацию на любые институциональные проявления академической среды — на доктрину, теории, концепции и взгляды отдельных правоведов, групп ученых и научные школы. Внешние функции науки характеризуют ее влияние на объективную (социальную) среду и связаны с переустройством окружающей социальной действительности на основе результатов научных исследований.

В юридической науке достаточно давно исследуется категория «государственное принуждение». Будучи одним из основных методов осуществления публичной власти, принуждение воплощается в системе мер, реализация, расширение и совершенствование которой относится к приоритетным направлениям правовой политики. Познание государственного принуждения с методологической

¹ См.: Бартельс К. Л. Функциональные приоритеты современной науки // Научный вестник МГТУ ГА. 2011. № 166. С. 156.

² Здесь мы выражаем принципиально несогласие с К. А. Стрельниковым, который приписывает вопрос о соотношении внутренних и внешних функций юридической науки к числу бессмысленных ввиду того, что правовая наука во многом сама задает себе цели и успешно их решает. Представляется, что любая фундаментальная правовая дисциплина, исходя из основ науковедения, включает в предмет своего познания не только закономерности возникновения, развития и функционирования внешних объектов, но и постигает «самое себя», прежде всего, для определения ориентиров движения научной мысли и расширения методологической базы. Подробнее см.: Стрельников К. А. К вопросу о системном походе в юридической науке // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 5. С. 4.